

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 11 (3822)

Суббота, 25 января 1958 г.

Цена 40 коп.

Продолжаем публикацию бесед наших корреспондентов с руководителями издательств, выпускающих художественную литературу, о книгах 1958 года. Ниже печатаются беседы с исполняющим обязанности председателя правления издательства «Советский писатель» Н. Лесючевским.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

— **НЕ ТАК** давно, — рассказал Н. Лесючевский, — реорганизована структура руководства издательством «Советский писатель». Вместо дирекции и главного редактора создано правление, избранное на пленуме правления Союза писателей СССР. Правление состоит не только из писателей-союзовцев, но и из представителей союзных и автономных республик, а также литераторов, живущих в краях и областях Российской Федерации. Тематический план выпуска книг на 1958 год составлялся уже новым правлением издательства. Обсуждение плана было посвящено двухдневному пленарному заседанию.

— **Что же** представляет собой план на 1958 год?

— Он предусматривает издание 451 книги, общим тиражом 12,5 миллиона экземпляров. Наше издательство призвано выпустить главным образом новые произведения советской многонациональной литературы. Это нашло свое выражение и в данном плане: в нем 314 новых книг, из которых около 30 — первые книги молодых авторов.

— **Названные** вами цифры выше или ниже соответствующих показателей прошлого года?

— Выше: по количеству названий — на 66 книг, по тиражу — на миллион с лишним экземпляров. Основное место в плане, как всегда, принадлежит прозе, она составляет почти половину всех изданий. Часть из них известна читателям по журналам, другие же — впервые увидят свет. Будут изданы, например, «Кавказская повесть» П. Павленко, роман Г. Николаевой «Быть в пути», повесть П. Замойского «Восход», повесть Н. Чуковский «Последняя командировка», заключительная часть автобиографической трилогии К. Паустовского, названная автором «Начало неведомого века», повесть С. Сартакова «Горный ветер», роман Ю. Германа «Дело, которому ты служишь», повесть П. Капичи «Он штурмовал Зимний», роман Л. Вайсенберга «Мечты сбываются», в котором повествуется о дальнейшей судьбе героини романа «Младшая сестра». Впервые признаются читатели со второй книгой Л. Никитина «Московские зори», в которой показана жизнь нашей столицы в тридцатые годы, главным образом театральная среда; с романом Д. Еремина «Безист, бежит река», в центре которого — большая семья промышленников московских рабочих; с романом В. Очеретина «Беспокойные», посвященным жизни рабочего коллектива большого завода; с историческим романом Н. Заборнова «Кавказ. Неизвестная», с книгой О. Литовского «Так было», состоящей из воспоминаний о литературном бытии Москвы 1918—1920 гг. В связи с сороклетием Советской Армии и Военно-Морского Флота будет издан сборник «Годы великой битвы», состоящий из повестей и рассказов, очерков, воспоминаний о Великой Отечественной войне.

Среди первых книг молодых литераторов — повесть А. Гаидича «Хроника времен Виктора Поддурского», роман О. Дьяковой «Советские люди», действие которого происходит на Урале в годы войны, роман В. Крокова «Вынужденная

посадка» — о советских авиаторах и других. На семинаре в Ленинграде не раз упоминалось имя молодого автора — офицера В. Инфантьева, написавшего книгу рассказов об армии и флоте — она также будет издана.

В переводе на русский язык мы выпустили книги писателей тридцати братских национальностей. Проза представлена почти шестидесятью книгами. Это, в частности, роман М. Стельмаха «Кровь людская — не вода», В. Собко «Обыкновенная жизнь», К. Горбаченко «Девушка под яблоней», П. Бровки «Когда слытают реки», И. Вилде «Сестры Речинские», третья книга П. Козлянука «Юрко Крук», заключительная часть трилогии А. Хинта «Берег ветров», повесть Ж. Гривы «Под крыльями албатросов» — о жизни экипажа советского рыболовного судна, роман Х. Тапаллица «Золотая долина», рисующий жизнь колхозников Армении, и другие. Издаются также четвертая книга воспоминаний С. Айни «Бухара», вторая книга «Школы жизни» С. Муканова, романы К. Гамсакурдия «Цветные лозы», Г. Мусрепова «Случай» и многие другие.

— **Назовите** несколько наиболее интересных, по вашему мнению, переводов?

— В связи с сороклетием Советской Армии и Военно-Морского Флота мы переводим: «Зеленый луч» Л. Соболева, «Партизанские повести» В. Иванова, «Товарищи по оружию» К. Симонова, «Стальград на Днепре» С. С. Смирнова, «Лицом к лицу» А. Лебедева, «Повесть о полках Богдукском и Таранском» Д. Петропольского и другие.

Будут также переведены «Испанский дневник» М. Колыцова, «Жизнь Бережкова» А. Бека, «К новому берегу» В. Лациса, «Сестры» А. Мухоморова, «Китайские записки» Н. Федорова, давно не издававшиеся романы В. Фички «Иностранцы в Индии» и «Судба Анри Лагера», исторические повести и рассказы В. Шкловского и ряд других книг.

— **Много ли** места в плане удельно по поэзии?

— Читатели получат новые книги стихов П. Антокольского, А. Барто, С. Кирсанова, Л. Мартынова, И. Рылеева, стихи последних лет С. Спасского, стихи и поэмы М. Танка, Г. Леоновича, С. Маршак, М. Маржаря, К. Мухоморова, сборники избранных произведений П. Яцилло, И. Харика и другие — около 150 книг.

— **Какие** интересные работы по критике и литературоведению будут изданы?

— Оживленная литературно-критическая мысль, активизация работы критиков и литературоведов находят свое отражение и в нашем плане — в нем почти 50 книг этого раздела. Но, к большому сожалению, все еще очень мало теоретических работ, посвященных проблемам социалистического реализма, актуальным вопросам развития советской литературы. В той или иной степени эти вопросы рассматриваются в подготовленных к изданию книгах В. Озерова, В. Перцова, Е. Князева, в сборнике статей о развитии украинской литературы, в сборнике, подготовленном Московской секцией критики и литературоведения.

Будут изданы и работы, говорящие об опыте советской литературы. Это книги Л. Себильской, К. Чуковский, Ю. Либединский, А. Исаба. Выпускаются также биографические и критико-биографические очерки о советских писателях, несколько изданий расширяют значение классического наследия для советской литературы.

ГОРОД наполнен восторгом, которая всех всколыхнула здесь: Печора в Вычегде! понесу эту воду в Волгу. Из огромного резервуара двух северных рек будет пополняться Каспий. Печора и Вычегда, повернувшись вспять, восстановят уровень Каспийского моря.

Преподаватели спецшколы в Печорском речном техникуме Василию Ивановичу Большакову, знающему все плесы, пороги, острова, пороги, шхеры — протоки родной реки, — задают в эти дни бесконечные вопросы. Не на все ответы: где именно будут сооружены дамбы, останутся ли судоходной Печора в нижнем своем течении, какова точная длина плотины, которая пересечет Печору, сумеют ли жители

Печора пойдет в Каспий

ли Нарын-Мара попасть без переделки в Махачкалу?

В молодом городе, у которого нет еще большого прошлого, все разговоры сейчас лишь о будущем Печоры.

Сколько безымянных потоков, ручьев, бегущих с круч и нагорий, талых вод из тундры, бурных ручьев, умножают силу могучей Печоры на ее пути в 1814 километрах от тоненькой струйки на горе Койтов до многокилометровой дельты.

— Сиора на знаменном шаре возникнет новый водный путь, на карте — незначительная доселе голубая нить. Печорский уголь пойдет по Каме, северный лес — к каспийским берегам, в далекие порты поплывет наша пушнина. Еще один учебник географии будет признан устаревшим, — так оценит этот грандиозный проект переброски стока Печоры и Вычегды в Волгу речники-печорцы, капитаны северных рек Анатолий Иванович Ровня, Иван Васильевич Сметанин, Федор Иванович Ануфриев.

Новая трасса уже ясно видна бывалым капитанам. Две могучие северные реки повернут из тевных студеных пущ, шагнут в другую сторону. Образующиеся искусственные водоемы — Вычегдское и Печорское моря, соединенные каналами, до неузнаваемости изменят облик этих берегов, преобразят весь край.

— Мы давно уже как-то перестали ощущать в наши дни расстояние от плана до его свершения, — замечает Дмитрий Афанасьевич Хозяинов, директор речного техникума, уроженец этих мест, мечтающий ошарашивать у бакинских причалов, на учебном судне, приписанном к порту Печора.

А. ЛАЗЕБНИКОВ
В. ПЕЧОРА, (Наш спец. корресп.)

В ОРГКОМИТЕТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

НА ДНЯХ под председательством Л. Соболева состоялось заседание бюро Оргкомитета Союза писателей РСФСР, на котором была принята в члены Союза писателей группа молодых литераторов Сибири и центральных областей Российской Федерации. Среди принятых — новосибирцы Е. Коронатов и Л. Чикин, Г. Молодцов (Кемерово), ставропольцы В. Гнеушев, В. Марьянский, Б. Речин, М. Усов и И. Чумак, И. Тобольский (Саратов), А. Скрипов (Ростов-на-Дону) и М. Антошкин (Челябинск), И. Осмыухин и С. Сашошкин (Мордовская АССР). Девять кандидатов переведены в члены Союза писателей.

Бюро утвердило план основных мероприятий Оргкомитета по подготовке к Первому съезду Союза писателей РСФСР, который намечено провести в октябре 1958 года. Съезду будут предшествовать собрания литераторов в областях и краях и съезды писателей в автономных республиках.

В ближайшее время состоятся всероссийские творческие семинары молодых драматургов и поэтов и семинар детских писателей Сибири, который будет проведен в Новосибирске.

Месячный семинар драматургов будет работать в апреле нынешнего года в одном из домов творчества. Молодые поэты Российской Федерации соберутся в Смоленске.

Бюро утвердило план проведения смотра литературы и искусства Воронежской области, который состоится в первой половине апреля.

В связи с переходом С. Баруздина на работу в правление московской писательской организации, ответственным секретарем Оргкомитета утверждены В. Архангельский, оргсекретарем назначен В. Шишов.

Прямой целью моей поездки была работа над воссозданием на русском языке Нартских сказаний — величественного эпоса, громадного культурного сокровища осетинского народа, береженного им с незапамятных времен. Эпос уходил в сивую древность, полулегендарные рассказы Геродота получали достоверное подтверждение, немые фигуры на старинных скифских вазах, сарматских и аланских памятниках, в продолжение веков неподвижные и затерянные, вдруг оживили в моем представлении, задышали, заговорили, совершая сказочные подвиги, в которые я сам невольно поверил. Сама природа как будто бы немо подтверждала достоверность легенд.

Жизнь я на Раданте, в дачной местности, близ города Орджоникидзе. Мощная стена зеленых гор казалась такой близкой, что порою во время прогулок я видел льдистый кристалл Казбека, — он постоянно упоминался в Нартских сказаниях. В это время слышно было, как внизу неумолчно рожочет Терек, и когда вечерами над ним поднималась полоса тумана, правды, я не удивился бы, если бы из тумана поднимался богатырский фигура нарта Батрада, ведущего коней с водопоя.

Так жил я в мире легенд. Но рядом текла повседневная жизнь, о ней рассказывал каждый очерковой номер газеты, каждая новая встреча с людьми. И эта жизнь заставляла меня то подниматься в горные аулы, где рядом со старинными квадратными осетинскими башнями строились новые санатории, то сидеть по полдорным, раскинутым по берегам бурного Терека колхозным землям Осетии.

В те годы все было наполнено отзвуками Великой Отечественной войны. Врат, докатившийся до Кавказа, был остановлен на территории Северо-Осетинской республики. В каузе селения Ногир мне показали большую красную доску, увитую колючками, — на ней были наклеены фотографии, иногда маленького, оторванного от армейской удостоверенной, а то и побольше, вырезанные из армейских газет. Это ногирцы, участники Великой Отечественной войны. Их было много, все в орденах...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

УКАЗ Президиума Верховного Совета об образовании избирательных округов по выборам в Совет Союза... Казалось бы, всего лишь сухое перечисление географических местностей и административных единиц. Но я читал Указ, и воображение все время рисовало мне пейзажи и людей — то Урала, то Приднепровья, то Кавказа или Смоленщины, а то Сталинграда или Средней Азии — всех тех мест, где приходилось путешествовать.

...Две краткие строчки в тексте Указа. Они — о том, что Северо-Осетинская АССР имеет свой избирательный округ с центром в городе Орджоникидзе. Всего две строчки... Но как живо напоминали они об исторической судьбе небольшого самобытного народа, навеки побратавшегося с великим русским народом и вместе с ним идущего по пути к коммунизму!

Память возвращает меня к далекой весне 1941 года, когда в дверь ко мне постучался нежданный гость из Северной Осетии. Первое впечатление от знакомства с Евстахи Уруймаговой хранится в душе моей поныне; сама хозяйка этого имени не так давно умерла, оставив нам свой замечательный роман «Навстречу жизни». Она была тогда в светлом, строгом покрое современного костюма. Но лицо было древнее, словно вырезанное из камня, — такая душа можно видеть на камнях. «Дева вольгатица из Нартских сказаний, которая пошла в комсомол...» — подумал я.

Меня прислали к вам из издательства «Советский писатель», — сказала она, — и привнесла свою рукопись.

Рукопись эта была написана по-русски, но что это был за странный язык! Русский словарь и совершенно своеобразный синтаксис. Но я забыл о грамматике, поглощенный яркими красками повествования. Не только душа писателя — душа целого народа, ранее неведомого мне, открывалась перело мной.

Тропа сюжета увозила читателя в глубины Кавказских гор, где в первобытных башнях, нагроможденных из камней, жил в страшном нужде небольшой пастушеский народ... Так впервые открывалась передо мной далекая история трудового народа, с которым я позже познакомился так близко.

СЕЛО НАЗВАЛИ «НОГ-ИР»

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ

В СЕВЕРНОЙ Осетии мне пришлось побывать впервые после Великой Отечественной войны.

Одно из рассказов о подвигах слышал я от местных жителей, но не изгладило впечатление произведла на меня история смерти старика Кузи Абаева.

Осенью 1942 года фашисты принудили почти к самому селению Ногир, в фронт проходил между Ногиром и Гизелью. Старик Абаев был тяжело болен. Он не мог быть ни среди тех, кто взялся за оружие, ни среди тех, кто в прифронтовых колхозах под огнем неприятеля собирал урожай и тут же переправал его частям Красной Армии. Старик Кузи умер и с тоской слушал грохот боя.

Когда кто-либо из молодых родичей, сражавшихся в окопах, захотел проводить его, он еше девела губами, спрашивая: «Ну как вы, гоните их?»

Старика не хотели огорчать. Ему отвечали многословно-хитро, его успокаивали перспективой близкой победы. Но он знал, что жить ему осталось всего несколько дней. Умереть, слушая грохот боя, лучшего из самой окрестности селения, — с этой мыслью он не мог примириться.

«Наследство Ленина, работа партии...» — шептал он и потом со стоном, с болью говорил: — Нет, не гоните вы их, не гоните!» Эта боль передавалась молодым, и они с новыми силами бросались в сражение.

И вот наступил час, когда гул сражения затих. В страшной тревоге стал подниматься он с постели, но тут в комнату ворвались молодые бойцы.

Нет, перед ним были не те выражавшие стыл и смущение лица, которые он видел все эти дни, — перед ним были гордые лица победителей. И старик счастливо улыбнулся и со вздохом отклонившись сказал:

— Вот теперь я вижу... Гоните же их прочь со священной земли, которую дал нам Ленин.

Спустилось несколько дней, старик Кузи умер.

Этим рассказом о смерти старика Кузи начал я записки о селении Ногир.

НЕТ ТАКОГО угла на нашей земле, который не имел бы воспоминаний, по-настоящему священных. И сейчас,

накануне грандиозной избирательной кампании, когда Северная Осетия, наряду с другими областями, краями и республиками, пошлет своих представителей в Верховный Совет, уместно вспомнить о том, как осетинский народ закалялся первыми камнями своей советской независимости, вспомнить также и о том, как был основан Ногир... Ведь в судьбе этого народа — судьба многих наших братских республик.

...Осенью 1920 года через снежные перевалы Кавказа, из родных своих ущелий Южной Осетии, уходили в горы на север красные партизаны. Мужественно отбиваясь они от меньшевистских банд, которые были превосходили вооружены англо-французскими империалистами. Партизаны отходили, и казалось, никаких сил не хватало у них на эту борьбу. Но сквозь смерть и кровь, холод и выгоду им светила свобода: Москва и Россия.

Местари слова эти выражали для всех кавказских народов представление о могучем государстве, единственном союзнике против разбойничьих кочевых племен.

«Советская Россия... Ленин!» — добавляли они, потому что в этом имени выражалась надежда всего человечества, всех наций и в том числе забынутых в горные ущелья, отрезанных от всего мира селений, где они устанавливали Советскую власть.

Полаурезные и голые, лишённые крова, партизаны пробивались вместе с семьями в Советскую Россию. Мне рассказывали, что по указанию Владимира Ильича Ленина, Серго Орджоникидзе выbral широкое равнинное поле на левом берегу Терека, занимающее несколько тысяч гектаров, и отдал его прорвавшимся с юга бойцам за Советскую власть.

Были распланированы широкие улицы будущего посёлка и между ними намечены квадраты кварталов, которые существуют и сейчас. К нему поднимались дымки от первых очагов.

Новый населенный пункт нужно было нанести на карту. Первопоселенцы назвали свое село «Ногир» — «Новая Осетия».

ВЕСНА наступала лениво. По несколько раз выпал снег и снова таял, шел дождь, оседал туман. В один из таких дней мы ехали по полям Ногира, где началась весенняя пахота. Поля в этой части Осетии необходимы. Тракторы трудились среди этих полей, переделывая землю в черной бархат пашен.

Возле вагончика вкусно пахло борщом, левушки готовили обед трактористам, а патефон играл то плавную осетинскую «элгулу», то широко по весенним пашням слышалась полная жизненной силы мелодия из «Руслана и Людмилы» Глинка.

Машина везет нас к Тереку, к колхозной электростанции. Ее энергия движет мельницу, построенную рядом, и маленькую лесопилку, находящуюся тут же, освещает дома и дворы колхозников и улицы села.

А вот и само селение Ногир, состоящее из множества правильных, квадратной формы кварталов, с широкими прямыми улицами и вереницами электрических фонарей и телеграфных столбов, с чистыми, празднично раскрашенными домами колхозников, окруженными плодовоными садами.

Куда бы мы ни приехали — к парникам ли, по затопленным стеклами которых поднималась молодая зелень, в теплые ли, пропитанные запахом земли сараи, где происходит тихо-тайнственное дело арювизации картофеля, — везде трудились ногирцы сегодняшнего дня.

Всем этим коллективным хозяйством управляет сын и внук осетинских бегунков, окончивший ту школу, которую в первый же год построили партизаны в чьем своем селе, — теперь она стала десятилетней. Он командует хозяйскими деловито. Ему и в голову не приходит что с точки зрения людей, живущих за пределами Советского государства, он давно уже перешагал из мира действительности в мир утопии.

Подобного рода мощное хозяйство, со своей электростанцией и развитыми отраслями сельского хозяйства, в прошлом могло принадлежать только земельному магнату, титулованному барину, сельскохозяйственному капиталисту, который управляет таким имением пригласив на тысячу жалованья специалиста. А тут перед нами крестьянин, деды которого не умели даже читать.

Он ведет хорошо и уверенно это большое хозяйство. Со знанием опытного экономиста говорит о выгоде торговли с соседним масловодным комбинатом, который забирает у колхоза продукцию. Но главное, что волнует в его словах, это высказанные с протестом и непосредственной ясностью истины учения Ленина, победоносно утвердившиеся в нашей стране. Они стали ее укладом, вошли в нравы людей, ее населяющих. Если государство дало колхозу суду для поупки

(Окончание на 2-й стр.)

Михаил ЛЬВОВ

ПОЮТ ДРУЗЬЯ

Поют друзья мои в Казани, За Волгу и за Днепром, В Черкессии и в Казахстане — На языке своем родном. Поют — и в песнях слыш

Севана, Лучей кавказских блеск и жар, Стеная удаля Казахстан И страсть и мужество татар. Поют — и песни шлют

в столицу, И каждый к этому привык, И все хотят переводиться На русский именно язык. Не для похвал и похвалы, — Иной тут смысл и интерес: Чужб зная Грузию Алары, Кавказа жоп прочесть черкес. Так и живем — берем кружаным,

Идя к высотам новых лет, Цветы со всех полей Отныне Соединив в один букет.

Россия, увиденная сквозь грозы, Сквозь вспыхивающие разрывы, Сквозь пламя погоня, Россия, увиденная сквозь слезы, Сквозь слезы восторга из окон вагона, Нужны мне для счастья и эти просторы, И вся необъятность красы твоей дымной, Как легким — твой воздух, Так облик твой — взору, Так сердцу краса твоя необходима.

ПОЕЗДКИ

Предлагают новую поездку. Что ж, долой медлительность и сон! Снова поезд «жмет на всю железку». То подьем, то снова под уклон. Мне еще не писано стиханье, И в тому ж давно мечтаю я Родину осанвать стихами, Все ее красоты, все край.

Города на юге в востоке, Сталинград, Казань в Казахстане, Заходите в жизнь мою и в строки. Как заходит в бухту океан.

ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ

В таежном утреннем тумане, В дорожном грое быстроты, В стекле очка, как на экране, Мелькнуло чудо красоты. Без всякого предупреждения Успело только осветить, И не сумел я то мгновенье Ни удержать, ни закрепить. Мелькнули оти голубые, И растворились вновь вдаль — В великой красоте России, В цветенье неба и земли,

Символ мира

Взгляните на этот гигантский памятник. Он вознесся над японским городом Магасакима на том месте, где чудовищным огнем полыхнула атомная бомба. Памятник символизировал собой мир и науку как защитницу людей.

Но призрак атомной войны снова маячит на горизонте. Когда от испытанной американской водородной бомбы погиб японский рыбак Кубома, протест людей, а памятники рыбак свежи ужасы Хиросимы и Магасакима, охватило чувство гнева. Появились стихи, посвященные Кубома. Одно из таких стихотворений — откликнов, принадлежащее японке Фумико Накано, опубликовано в сборнике «Улыбки во мраке».

«В конце концов... Кубома... скончался...» — Радио страшную весть принесло. Голос диктора оборвался, Срезанным острою болью слов.

Тихо, Слеза, по щеке скользит, Паладет... Ах, не падай!

Вздогнула — плакать нельзя, За счастье — бороться надо! «Там не рассеять веером» — гласит японская пословица. Водородную пыль не рассеять бездельником, 400 тысяч погибших зывают к борьбе. Вот почему миллионы людей поднимаются на борьбу против ядерного оружия, несокрушимые и грозные в своем единстве.

Вышел двухтомник сочинений В. Бахметьева.

Вольшевик В. Бахметьев пришел в литературу с ценнейшим запасом жизненных наблюдений и боевого революционного опыта. В двухтомнике собраны произведения, ярко отражающие процесс формирования того нового человека из рядов рабочего класса и трудового крестьянства...

Двухтомник открывает доктринские повести и рассказы. Разнообразны в них события и характеры, но все они сфокусированы на одной общей идее, одним революционным сознанием.

Жизнь рабочего и крестьянина-бедняка полна унижений, нужды, гнева против гнусной действительности. Простые русские люди, измученные непосильным трудом, притесненными и бесправными, иногда, казалось, теряли человеческое достоинство. Кузнец Архим заковывал в кандалы родного сына, присужденного за революционную пропаганду к смертной казни («Кандалы»). Вена слесаря Симачева, сосланного в Сибирь «за политику», пыталась в порыве отчаяния оставить в вагоне единственного грудного ребенка («Мать»).

Такова была правда истории, скорбные противоречия действительности; таковы порою были люди, о которых В. И. Ленин сказал, что они «воспитаны капитализмом, им испорчены, развращены, но зато им и закалены к борьбе».

Вера в народ, в его суровое мужество и беспредельную стойкость позволяет писателю подмечать в мрачной доктринской действительности те первые лучи света, за которыми уже чувствуется близость восхода солнца.

В том же рассказе «Мать» показана, как на помощь голодной, затравленной Наталье приходит рабочий железнодорожного депо. Подпольщик Артамон Кузьмич, поняв, что толкнуло батрака на преступление, сажает его с собой в листовках. И когда затем Панкрат уходит, чтобы не спать всю ночь «из-за необычных, до селе неведомых, крепко-накрепко попинывших его мыслей», — читатель чувствует, как вдруг расширился кругозор этого забитого нуждой труженика.

От страданий в стране автор показывает, как постепенно накаливается мятежные, могучие силы в народе под воздействием смелого, правдивого слова и организационной работы большевиков.

В лучшем романе писателя «Преступление Мартына» поднимает В. Бахметьев. Избранные произведения в двух томах. Гослитиздат, 1957.

та проблема, которая остается злободневной и поныне: речь идет об ответственности человека перед своей совестью — даже тогда, когда формально он может избежать партийного или общественного осуждения своего поступка.

Интересен роман «У порога». Он полон героики и романтики, в нем ярко изображены труд и страдания рабочих, победоносная борьба за новую жизнь, здесь даны яркие портреты врагов. Особенно удался автору образ заводчицы Фокина. Этого типичного представителя капитала в дореволюционной России автор показывает, так сказать, во весь его рост.

Но, конечно, всего ценней для нас в романе образы положительных героев. Это не только вольшевик Никита Глотов, от лица которого ведется повествование, но также и рабочие Кронид Демитьев, Анна Руданова, Степан Вагин, бывший военнопленный маляр Владимир Санто. С большой изобразительной силой показан автор в образе последнего тесную связь и единство интересов международного пролетариата.

Из произведений послеоктябрьского периода наиболее удачны рассказы «Контрорщица», «Одна ночь», «Ее победа». Молодая контрорщица Нецваева, временно заменившая управделами, зорко подмечает все недолет, оплошности и ошибки фабричной администрации. Директор фабрики в глубине души сознает, что смелая критика контрорщицы справедлива, что ее деловые предложения верны. Но это влетает за собою необходимость пересмотра устаревших методов работы, за которые директора когда-то хвалили, у него не хватает мужества честно признать свое отставание от быстро текущей жизни. В конце концов напор бурной, вдумчивой юности берет свое.

Рассказ «Одна ночь» дает целую галерею живых образов советских работников в первые послеоктябрьские годы. Скупыми, но меткими штрихами автор рисует характеры — председателя исполкома Струмина, продкомиссара Бочкова, председателя чена Герасева, преднархоза Авдеева и многих других большевиков. Тяжелы условия «военного коммунизма», люди недодают, недосыпают, но честно стоят на своих постах. Некоторым кажется, что они уже сделали все, что потребовали от них родина и партия, что сделать больше и лучше — свыше их сил. Но вот получена депеша от Ленина, сообщившего, что рабочие промышленных городов сидят без хлеба, и невозможно становится возможным, силы удесятерятся. Измотанные бессонницей и работой люди, рискуя жизнью, в окружении классовых врагов, готовы выполнить сложнейшее задание первого председателя Совнаркома.

Рассказ «Ее победа» утверждает право советской женщины на самостоятельную, творческую жизнь. В конце двухтомника помещены рассказы, написанные В. Бахметьевым в годы Великой Отечественной войны: «Самое главное», «Оплошность сержанта Васюткина», «Наша радость». Каждый из них — достоверное свидетельство патриотизма, талантливости, бесстрашия советского человека.

Хочется отметить, что двухтомник В. Бахметьева издан очень своевременно. Читая его, наша молодежь глубже поймет, какой дорогой ценой платил наш народ за свою свободу и счастье.

Валерий ПУШКОВ

Более 40 лет изготавливает точные музыкальные инструменты — тар, немачук, бубен Григор Дингаров — старший мастер цеха музыкальных инструментов «Азпромсвет» в Баку. Изготовленные им инструменты звучат в Грузии, Армении и в республиках Средней Азии. Они экспонировались на ВДНХ и на международных выставках в Турции, Индонезии, США.

На снимке: мастер Григор Дингаров за проверкой музыкальных инструментов. Фото Ф. Шевцова

«СОВЕТСКИЙ КАЗАХСТАН»

Первый номер журнала открывается документальной повестью Баурджана Момыш-Улы «За нами Москва». Проза представлена также рассказами С. Шартова, А. Дубинского и Ю. Плашевского. Под рубрикой «Навстречу декаде казахской литературы и искусства в Москве» печатаются лирические стихи и басни А. Токамагбетова. В разделе очерков — заключительная глава книги директора Чирчинской МТС тридцатипятичника В. А. Попова «В МТС целинного края».

В отделе «Искусство» читатель найдет статью Л. Богатенковой о юбилейных спектаклях алмаатинских театров и репортаж В. Рапопорта об алмаатинской киностудии художественных фильмов. Под рубрикой «Глазами зарубежных друзей» помещен очерк румынского писателя М. Давидоглу «В гостях у шахтеров Караганды».

Как обычно, в журнале печатаются обзор новых книг. С первого номера выданы новые разделы «Физкультура и спорт» и «Календарь природы».

Редакция намерена опубликовать в течение года: роман Г. Мустафина «После бури» — о советизации казахского аула, повесть З. Кабдолова «Искра жизни» — о казахской молодежи в наши дни, повесть А. Киянчи «Перелетные птицы» — о целине, приключенческую повесть В. Ванюшина «Старое русло». Будем продолжать публикацию произведений казахских и русских поэтов.

В портфеле журнала имеются интересные записки соратника В. И. Чапаева — генерал-майора М. Серикова «На трех фронтах республики» и мемуары старшего агронома Казахстана М. Баранова.

Особое внимание будем уделять очеркам наших дней. Очерки о казахстанской «магнитке», о наших зерносовхозах займут почетное место в номерах, которые мы готовим к предстоящей декаде казахской литературы и искусства в Москве. В этих же номерах мы расскажем о достижениях казахского искусства.

Ф. МОРГУН

В СЕСОЮЗНАЯ художественная выставка продолжает свою работу. Впечатления «отстоялись», неизбежно произошла какая-то переоценка отдельных произведений: то, что бросалось в глаза своей эффектностью, оказалось при ближайшем рассмотрении не очень глубоким, а многие малоприметные поначалу вещи стали привлекать значительно больше внимания в них содержания. Но неизменным осталось всеобщее мнение о редком успехе молодежи, безусловно задающей тон на выставке. Молодежь выступила смело, сильно, уверенно, блеснув не только свежестю красок и новизной ощущений, но, главное, способностью ставить перед собой по-настоящему большие художественные задачи.

Изображенные сюжеты из истории Октябрьской революции и гражданской войны знакомы нам по многим произведениям советских художников, работавших над этими темами, начиная с первых послеоктябрьских лет. В лучших живописных полотнах и скульптуре образ борющегося народа получил обобщенную, монументальную трактовку. Но моделируя 50-х годов, обратившись к событиям истории Советского государства, мы нашли свои эмоциональные краски для их воплощения: в созданных ею произведениях горячо бьется романтика юности, ясно слышатся отзвуки героических подвигов, и поэтому давно и хорошо известные сюжеты и темы предстают перед нами в совершенно новом свете. Героическая тема во многих работах естественно переплетается с глубокой правдой лирического чувства, и это рождает яркие, увлекательные живописные образы.

Картина В. Шаталова «По долине и по взгорьям...» получила уже широкую популярность и неоднократно печаталась в газетах и журналах. Но она как раз из тех работ, которым воспроизведение, да еще не в цвете, не столько оказывает услугу, сколько приносит вред. В ней нет броской композиции, остроты силуэта, а общий поэтический строй — самое ценное в этой картине — совершенно пропадает в репродукции. Шаталову полностью удалось осуществить свой замысел — создать песенно-поэтическое полотно о героическом прошлом народа. Спокойный, ненавязчивый ритм движения всадников, прекрасно написанные беспредельные просторы долины и взгорий, выразительность образов бойцов — все это вместе действительно воссоздает музыкальную мелодию боевой неумирающей песни о былых походах.

К значительным достижениям относится работа над картинами, посвященными В. И. Ленину. О ведущей тенденции воплощения образа Ленина в произведениях живописи и скульптуры на выставке в целом дает представление картина В. Хитрикова «Беседа с Ильичем». Это тенденция показать вождя во всей человечности его облика, тесной, непосредственной связи его с народом. Ленину у Хитрикова человечески прост, близок и

Юбилей Бердаха. На днях в Нукусе состоялся юбилейный вечер, посвященный 120-летию со дня рождения Бердаха — поэта-классика каракалпакской литературы. Бердах — крупнейший представитель каракалпакской литературы, живший в прошлом столетии. В связи с юбилеем поэта в Нукусе вышел в свет сборник стихов Бердаха на русском языке в переводе Н. Гребнева.

На юбилейном вечере с докладом о творчестве поэта выступил Исмаил Сагаитов. Избранные стихи Аббас Дабыл и Садык Нурумбетов, поэты Абитай Турумбетов, Глейберген Жумамуратов, Хонамурат Турумбетов читали стихи, посвященные любимому поэту. НУКУС. (Наш корр.)

доступен каждому. В том, как художник изобразил его дружескую беседу с рабочими, есть большая искренняя теплота, чувство глубокой любви. Те же достоинства находим мы в «Апреле 1917 года» Свердловчанина В. Золотавина.

Вызвать героическое в будничном флесе — задача, значительно более сложная для художника, чем, скажем, для писателя. Художник лишен такого безграничного и всеобъемлющего средства воздействия и разъяснения, как слово. Изображенная на картине нетопленная комната, в которой отец нашел свою болящую жену и озявшую, голодную дочь, — сама по себе не вызовет оптимистических мыслей. Именно такая сцена и дана в «Героическом разговоре» Л. Шипачева. Это одна из тех умных, сдержанных картин, которую сразу, может быть, и не выделяешь в массе других работ, она лишь постепенно открывает внимательному зрителю свои художественные достоинства. Силой образной выразительности живописи автор сумел придать ей подлинно оптимистический характер. Героический художник увидел и показал не в событии, а в твердом духе мужественного человека — одного из тех, чьей волей и руками завоевывалась свобода народа. Видя лицо отца, понимаешь: если он мало что может сделать для своей семьи сейчас, в трудную минуту, то он делает все и сделает все — для ее будущего, для будущего народа.

Нельзя не ценить в молодом художнике такую способность глубоко проникать в смысл и дух далеких исторических событий. Это качество в полной мере свойственно авторам двух серьезных произведений выставки: «На рудниках» Ю. Утарова и «Лена. 1912 год» В. Утулина. Картины, различающиеся по художественным средствам (обобщенная, экспрессивная у Утарова и более традиционная, но сильная продуманной композицией и драматизмом отдельных образов — у Утулина), социально содержательны, несут в себе глубокий идею. Это качество нашлось и в картине И. Попова «Москва 1918 года», где с глубокой проникновенностью передана атмосфера эпохи.

Но обратимся к тем произведениям, в которых отражена современная нам действительность, жизнь наших дней: диапазон исканий художников здесь очень широк в области тематической и несколько уже — в области выразительных художественных средств.

Интересно сопоставить полотна Е. Самсонова «Смена идет» и Т. Салахова «С вахты». Как видно уже из самих названий, тема в них одна и та же. Больше того, почти одинакова и композиция, показывающая группу рабочих, идущих по мосту. У Салахова сильнее дана динамика, экспрессия, у Самсонова все решено сдержаннее, проще. Но если в картине Салахова не увидишь большего, чем подчеркнутые движение, то Самсонов выразил в своей картине совершенно определенную мысль: его «смена» — это молодое поколение советских рабочих, понимающих значение своего труда и верящих в его беспредельную мощь. Путь, которым идут Самсонов и те, которые другие художники, например Б. Пленнин в скульптуре, также посвятивший свое произведение человеку труда, — это путь плодотворных исканий на основе глубокого изучения традиций реалистического искусства.

Один из самых молодых участников выставки П. Панков представил свою работу, видимо, первую, которая называется «Урок». На ней нельзя не остановиться, хотя бы по той причине, что она наглядно доказывает, как выбор сюжета (даже самого

интересно представлен портрет (П. Туркия) и графина (А. Бандзладзе), в Армении трудится группа тагилитских скульпторов — С. Багдасарян, Р. Амбаршумян, Г. Бадалян, в литовском — традиции и особенности национальной скульптуры помогли появлению такого интересного произведения, как «Председатель колхоза» Г. Юкубовича. Для латвийского искусства особенно показательны картины с острой трактовкой тем современности. Так, очень современно по духу полотно В. Диншера «Собрание» и «Мужья возвращаются» Э. Илтаря. Последнее привлекает тем, что в нем художник не побоялся далеко отступить от точного копирования жизненного явления. У Илтаря жанровое наблюдение вылилось в собирательный образ «собиранья». Спорно только то, что образ слишком драматизирован — это уже не просто оживление, а глухое, тяжелое предчувствие неотвратимой беды. Откуда злыбась такая трагедийность? Ведь название картины свидетельствует совсем о другом замысле.

Наль, что титотение и острой форме приводит некоторых латвийских живописцев к неуклюжей, пустой подражательности. Картина А. Станкевича «Осеню» (на сушудку) сделана, несомненно, под влиянием итальянского неorealizma, причем ее композиция говорит даже не столько о влиянии, сколько о прямом заимствовании.

Художники республик Средней Азии усердно работают над тематическими полотнами. С размахом, с чувством монументальности написана картина «За лучшую долю» И. Клычева (Туркмения). К. Шаахметов (Казахстан) выдал для своей картины «В родном ауле» довольно испытанный сюжет, тем не менее его произведение получилось необычайно и интересным. Много нового и интересного показали молодые художники. Проявившиеся в их творчестве тенденции к решению глубоких и значительных тем жизни, к их поэтической, смелой, оригинальной трактовке не случайны. Они закономерно поставлены были самим нашим временем, задачами, которые выдвигала подготовка к юбилейной выставке, приуроченной к 40-летию Советского государства. В этом — залог того, что новые тенденции будут крепнуть и развиваться из года в год, определяя дальнейшее развитие советского изобразительного искусства.

О. НИКУЛИНА

Центробежное колесо (Заседательская суетня) Рис. И. Фриджана

она говорила мне, чтобы я согласился ей муженьку стать и тогда немцы могли меня совсем из лагеря отпустить. Иногда они отпускали.

— Понятно, своей Клавдии ты потом об этой Мадлен ни гу-гу? — покручивая наштановый ус и намашивая глаза, сказал Демин.

Сулин не ответил, только поносился на него. — Но Андрей, правду сказать, так никто ни себе и не завел. И не потому, что к нему ни одна не присмотрелась. Была у нас в лагере одна переводчица — Жена, по-французски Эжени, ему надо было только один раз ей моргнуть, она его глазами ела. Парень он был, несмотря что худой, словно красивый, и сразу можно было понять, что оред.

Демин счел нужным подтвердить:

— Оред. Но Сулин от его подкрепки отказался: — Сулин на твоём месте, Стефан, об этом лучше повозчал. По-моему, вы всегда с ним находились в контрах, и тогда ты о нем таких слов не говорил.

— Это было, — к удивлению Михайлова, охотно согласился Демин, — а потом, когда мы поженились на родных сестрах, все и прошло. Он скоро понял, что никакой я не элемент и тоже за колхоз.

Сулин внимательно посмотрел на него, их взгляды встретились и разошлись. — Не было у него ничего, — твердо повторил Сулин, как будто кто-то собрался ему в этом возражать. — Как, говорит, я бы после этого Дарье в глаза глянул...

Демин кашлянул. — Кгм. — Что? — спросил его Сулин. — Нет, ничего. Незаисомно, — ответил Демин.

— Чем вежливее с нами немцы обращались и лучше нас кормили, ну прямо-таки на убой, тем он все больше хмурился и совсем уже стал клаять зубы, как волк. Меня затерзал: бежать, и вся! Ты, говорит, думаешь, это спроста они свою шкуру наизнанку вывернули, за наши красивые глаза, думаешь, сделали нам из плена курорт? Это же. Павел, фашисты. Сегодня они на нас свою позорную форму надели, потом на усиленный паек переключили, а завтра всунут в руки автоматы и прикажут стрелять в своих. К этому все идет, не заметишь, как из тебя изменника родины сделают и заставят в советскую власть стрелять. На убой и открываю, своего мяса им уже не хватает. Но до этого они нашим свои дырки зашатают. Но этому не быть!» Я и сам уже к тому времени начал задумываться о том, что может быть концом этому расчуженному бытию может быть конец. Стали уже не в лагере разбивать на ронты и эскарды и выделять из нашей среды командиров. Коротко договорились мы с Андреем, что нужно нам, больше не откладывая, бе-

жать. Задержаться на ночь в городе и нырнуть под брезент на платформу на проходящий через станцию эшелон.

— А как же Мадлен? — спросил Демин. — Когда я ей об этом сказал, она, бедняжка, загоревалась, сделала черная, как уголь, но в глазах хоть бы слезинка. За полтора дня выныла ко мне, и я ее полюбил. Уговаривала меня остаться. «Давай, говорит, завтра съездишь в марзю или же к юре» — это у них батюшка, только без бороды, у них и попы бредотся. «Обвенчаемся, говорит, и будешь ты, Поль, хозяйном над мной и над моим домом. Я все бумаги перепису на тебя». «Нет», отвечаю, Мадлен, не могу это сделать... Ты поплачь, поплачь тебе, — наши русские бабы все так делают». Но она себе губы до крови покусала, а не плачет. Стала просить меня хотя бы до конца войны остаться. Очень боялась за меня, что я могу и домой не попасть, и жизни лишиться. Добираться нам нужно было до линии фронта не через одну страну. «И это, говорю, Мадлен, мне не с руки. Что же это получится? Получится, что я буду сидеть и держаться за юбку до окончательной победы над врагом и дождусь уже готового. А мне не чужими руками нужно с сердца эту ненависть смыть, иначе она меня задушит. За все, что сам испытал, — самому и должок вернуть, и еще за своих товарищей рассчитаться. Спасибо тебе, Мадлен, за все, но решение мое твердое. Перебь я у нее до полночи, и мы простились. Насовала она мне в чемодан харчишек на двоих, надел я костюм ее мужа Мишеля, убитого на войне, и...

Сулин сам налил себе в бутылку в кружку вина и залпом, одним духом, всю выпил. Никого не стыдясь, тщательно вытер ладонью мокрые глаза. — К тому времени эшелоны уже один за другим начали греметь через станцию на восток. Хоть немцы, конечно, старались и виду не показывать, что им приходится капут, но мы-то знали, что наши уже под Варшавой. И по ихним газеткам научились понимать, как они выравнивают фронт, и французские партизаны — маки заклеивали по ночам листовками заборы. Отчаянные были ребята, эти маки, не хуже наших советских партизан, ночами только они и хозяйничали во Франции.

И не попадалась? — удивляясь, спросил Демин. — А как по-моему? — встречно спросил у него Сулин. — По-моему, они тех, кто им попадался, редко миловали.

— А чего же спрашиваешь? — рассердился Сулин, и усы у него, приподнявшись, обнажили безудельные десны. — Лишь бы время зря сорять... Один за другим эшелоны шли. Из Нормандии, с других мест они сжимали техни-

ку и войска, и все это гнали на советский фронт. Вторым фронтом их тогда все еще только пугали, а тут дома незваные гости уже начали ворота с петь снимать. Мы с Андреем под брезентом без всякого беспокойства через всю Германию проехали. Часовых всего двое в — голове и в хвосте состава, и считай — не солдаты, а гражданские люди, фольклитур, по-русски говорят, оплощенные. Кто в очках, а кому офицер должен команду на уху кричать: «Хартами нас Мадлен обвенчала. Да благополучно с запада на восток через всю Европу промчались, а в Польше не побереглись».

В пальцах Сулина застрял сибирский прут, он принок и сердито метнул своими маленькими, как две напелышки слюды, глазами к стороне Демина, который вдруг привстал и насторожился, выткнув голову и выглядываясь по междуруде между плетень, в верхний угол своего сада. Навострил обрубленные уши и Пират, но с места не поднялся, а лишь, поглядывая на хозяйина, заюлил по земле хвостом, подметая под кустом пыль.

— И охота тебе, Стефан, с ребятишками воевать? — спросил Сулин у Демина. — Виноград еще зеленый, а если они с того старого дерева дескток-два жердел сорвут, от этого колхоз не обеднеет.

— Не в том дело. Из маленького вора потом вырастает большой, — выткнув голову и продолжая выглядываться, ответил Демин и прикрикнул на собаку: — Пират!

Повинуясь его окрику, Пират встал, всматриваясь по направлению взгляда хозяйина умными, узко поставленными глазами, и опять лег на свое место. — Показалось, что кто-то в тернах зашумел, — сказал Демин. — Они теперь научились стелти, из тернов заходит. Он сел. В пальцах Сулина опять ожил, зашевелился прут, усыпанный жесткими лепестками. Пахли они так, что щемило сердце.

бает. Скоро нам тут и высадна, а там своим ходом будем к нашим через фронт добираться».

Никакой польны я там по пути не заметил, это ему так хотелось, чтобы она была, а насчет высадной мы с Андреем не успели. В Польше мы чаще стали встречаться санитарные поезда. Из-за них наш эшелон на каждом паршином разезде держался. А Андрей радовался этому, часто малое дитя: «Это, мое Поль, все русская работка, гляди, сколько они ломаных костей с горельным мясом везут в свой фатерланд». Смеется, а глаза у него, как у коршуна, жесткие, всякую жаль из них плен вышил. «И нам бы, гворит, не опоздать в этой работенне участие принять».

На одном разезде остановился против нашего состава офицерский санитарный эшелон. В зеленых пассажирских вагонах их офицеров покареченных везли, должно быть, не одну сотню. Андрей отвернул брезент и шепчет: «Погляди, Павел, как против нашей платформы какой-то один усю купе занимает. В других, как следок в бочонке, а в один. Должно быть, важная птица, а и его не пожалели, обработали наши. Как бы не из «катушки». Забинтованный, как куля, и глаза на желтом лице не открываются...» В эту секунду раненый офицер открыл глаза и возлился через стекло прямо к нам под брезент. Мы так и отскочили под танк, и тут наш эшелон тронулся. Едем дальше не очень-то веселые, а я, правду сказать, и совсем духом упал. Взгляд у этого офицера был пронзительный и совсем ясный. Чует мое сердце близкую беду. Андрей меня успокаивает: «Это только видимость, ему «катушка» все парки отпила, ему не до нас. Если у тебя, Павел, еще остались в чемоданах харчи, давай ужимать и ложиться спать». Залез он под танк и тут же захкалел, а мне не спится, и все.

И пока я заснул, все время у меня перед глазами этот перебинтованный офицер стоял. А проснулся я оттого, что кто-то мне лицо фонариком шупает и смеется: «Русс, гит Морген!» Демин схватился руками за голову и закачался из стороны в сторону.

— Ай-ай-ай, из-за его глупости и ты попал!» Сулин вдруг возмутился, нос у него поблагоговел.

— Умные в это время сидели дома, по ямам и погребам. Демин потянулся рукой к карману: — У меня освобождение было, могу показать. Раны оторвались на ногах.

Сулин оставил его руку своей рукой: — Я не районом.

В это время Пират, спавший под кустом, не дожидаясь окрика хозяйина, забеспокоился. Вздернул обрубленные хрищи ушей, он вскопич,

обежал вокруг сторожи и поваливая хвостом, вернулся на свое место.

Сулин, прислушиваясь, посмотрел на Демина: — Никан кто шумнул? Демин довольно улыбнулся: — Это он инстинктивно соблюдает. — Он взглянул на солнце. — Но, между прочим, скоро мне Любова должна обед принести.

— Заботливая у тебя жена, — похвалил Сулин.

Демин поглядил пальцем один и другой ус: — По взаимности.

Во второй раз за это время Сулин сам налил себе вина в кружку из бутылки, но отпил только половину и отодвинул кружку рукой в сторону. Из почти исчезнувшего серебристого вихора сибирька он вынул последние, еще пригодные прутья и, замолчав, не поднимая глаз, сосредоточенно занялся ими, связывая последний венчик.

Затянувшееся молчание прервал Демин: — Ну и тогда же его расстреляли, Андрей? — спросил он у Сулина.

— Нет, позже, — не поднимая головы, глуховато, неохотно ответил Сулин. — В горах Норвегии. Туда исключительно отправляли штрафных всех наций. Специально построили большой лагерь в самой середине гор, мы его между собой так лагерем смерти и называли. Оттуда не возвращались. Были там, кроме наших русских, поляки, сербы, французы и арестованные немецкие коммунисты. Интернационал. Сперва прорубали и мостили мы в горах дорогу, а потом стали возить по ней корабельный лес на станцию. Сосят там, в норвежских горах, растут неподобной вышины и прямые, как свечи. Есть и недры, мы орешками с них — махонькие такие, как семечки, — голод замаривали.

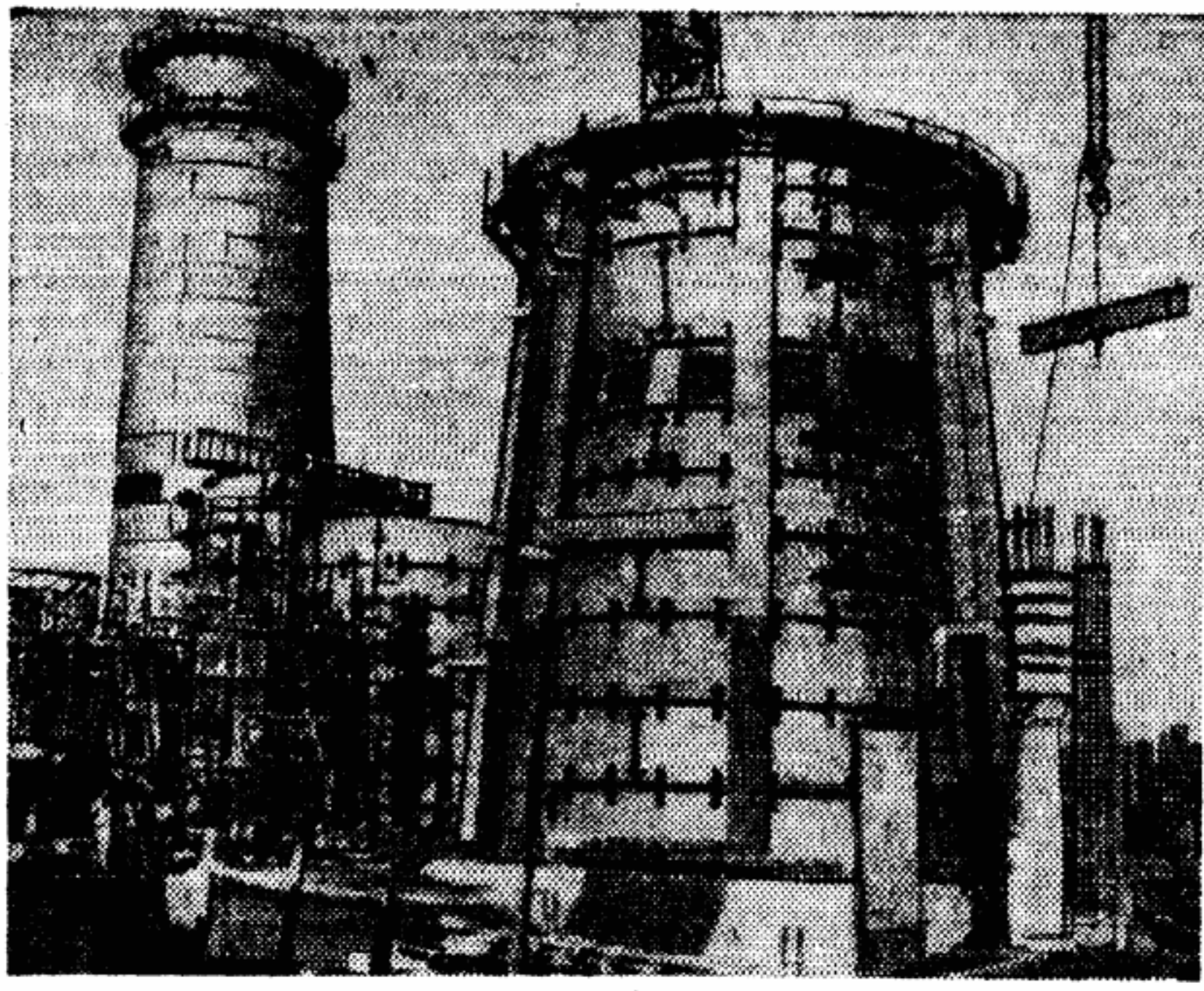
По этой же дороге гонали и на расстрел: там на двадцать восьмом километре вертеж был на эту трубу. Если колонны прогнали мимо этого километра, значит, еще живые, а если остановились, — все! И убивать отсюда невозможно было — горы. А кто и пробовал, все равно не мог уйти от собак, на месте валил. Так их, значит, обучили в Мюнхене, в специальной школе. Там у одного ротенферера Нарда черная овчарка была с годовалого телка, с зелеными глазами. Не чистая овчарка, а по-моему с каким-то австрийским бульдогом, переродком. Кто из пленных упадет от голода или под брезентом, она сейчас же сигает на него и клыками за горло. За самую трубку. А хозяйин подожмет ее после этого и даст глудочку рафинаду. Сам тоже здоровый был, пудов на семь, и

(Окончание на 4-й стр.)

Анн Сардар ДЖАФРИ

НОВОЕ ВРЕМЯ ПРИШЛО!

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Меняется облик Индии. Животворное солнце свободы пробудило неслепящие творческие силы трудящегося индийского народа. Советские люди с искренней симпатией следят за создательным трудом индийского народа, всегда готовые оказать ему бескорыстную помощь. В Центральной Индии, в штате Мадрас Прадеш, ведется работа по строительству металлургического завода в Бхилане, сооружаемого индийским правительством в сотрудничестве с Советским Союзом. На снимке: монтаж доменной печи в Бхилане. Фото Г. Гулдера

Новое время пришло, друг,
Солнце над всеми возшло, друг,
ширятся восток,
шедрее, как никогда!
Горе стяхнуло нам велик жизнь,
Радостный путь нам сулит
жизнь —
солнечный берег
счастья, надежд и труда!
В каменном сне подземелий,
в темных, извилистых недрах
сколько металлов сокрыто,
сколько извечных сокровищ,
в глыбах песчаных, в сердце
красных, отсыревших утесов —
сколько изурочатных арок,
сколько стремительных башен!
Долгие тысячелетия
ждут они в тьме непроглядной:
явится зоркий строитель,
освободит их из плена
и превратит эти глыбы
жилых, старых гранитов
в радостные колоннады
и величавые свода!

Слышишь, как недр поют, друг,
Выступают щедрый дадут, друг,
пленимые руки
камень взывают глухим:
«Рвемся из темных глубин мы,
в сотни огромных машин мы
людем на счастье
преобразиться хотим!»

Сон ослепительный снится:
сотни невиданных фабрик,
полных пчелиного гула,
выросли в наших долинах,
и, словно пышные груди
туч, опустившихся наземь,
хлопок на солнце сверкает,
лаковый и белоснежный.
Над челоками стальными
кружатся вихрем колеса,
тысячетысями сиянием
переливаются нити,
словно рассветного солнца
несчисленные пальцы
ткнут в золотом поднебесье
радужное покрывало.
Мы ведь потомки творцов, друг,
Видишь громады дворцов, друг:
храмы Аджанты
и кружевной Тадж-Махал!
К новым трудам поднялись мы,
В дружном порыве слились мы,
чистый, как песня,
плавится в горах металл!

Руки, рабочие руки,
неутомимые руки,
сколько воздвигнуто ими
зданий и храмов, и статуй,
камень любой они могут
сделать позолоченной росой,
смелье прилечь его глыбам
легкие, статные формы!
Руки, упорные руки,
все им на свете подвластно,
но до сих пор зажимают
шпраны на наших ладонях:
это — кровавые шрамы
тысячелетней проказы,
это — жестокая память
тысячелетнего рабства...

Но пробудился наш край, друг,
Преобразился наш край, друг,
крут и прекрасен
нашей судьбы поворот!
Чист, как лучистый ртуть, стал
Свеж, как душистый цветник, стал
древний мастер — народ!

Да, этот солнечный сад — наш!
Этот сверкающий клад — наш!
Листья над нами кланд — наш!
Вытка на крыльях, летим, друг,
Мы одного лишь хотим, друг:
счастья и мира,
мира —
на тысячу лет!

Перевод с урду
С. СЕВЕРЦЕВА

Личность электроэнергетики и многие фабрики работают на ней.

В духе наших газетов появились статьи в пользу переговоров между главами правительств Востока и Запада в целях разрядки международной напряженности.

И наконец, письмо, которое представлено газетам, письмо от индийского народа и Советского Союза. Я надеюсь, что это поможет нам соотечественникам лучше разбираться в этих вопросах. Газеты печатают на ирландском национальном языке много материала о надеждах человечества на мир. Теперь уже все больше и больше людей знает, что делает Советский Союз. Газеты уделяют больше внимания вопросам, которые близки сердцу людей.

Если бы был проведен опрос, то у меня нет ни малейшего сомнения, что 90 процентов моих соотечественников голосовали бы против плана создания на ирландской земле авиационных баз для военных целей. 80 процентов голосовали бы за переговоры на высоком уровне для поддержания мира до того дня, когда каждый самолет, который приземлится в Ирландии, будет не хищной птицей, а голубем мира, который доставит к нам друзей из разных стран, чтобы беседовать и бродить вместе с нами, жить и есть с нами. Мы познакомились бы их с нашей древней историей, мы показали бы им прекрасные места, которых так много в Ирландии.

— A ceud mile faile — сто тысяч раз добро пожаловать.

...Нет, Ирландии не надо военных баз!

ЛОНДОН, январь

ЭТО ПОЧТИ как в автомате. Опустите доллар в щелку, и получите не сигареты, а почет, уважение и живых солдатиков, которые за вас — за огонь и воду.

Международная почта

АВТОМАТ НЕ РАБОТАЕТ

Приблизительно так объясняют американским налогоплательщикам механизм «помощи» странам, зависимым от США. Но что-то поему-то заедает в «автоматах». Доллары текут, а в итоге — почта и уважения — зубной скрежет и довольно ясно различимое: «Убылились бы вы подальше со своей помощью!» В чем тут дело!

Английский журналист Дэвид Хотэм провёл три года в Южном Вьетнаме и на месте неплохо разобрался в механизме американской «помощи». Его статья, опубликованная в журнале «Нью Рипаблик», должна полностью развеять недоумение американского налогоплательщика. За три года США дали Южному Вьетнаму 770 млн. долларов. Немало. И не смотря на это (или, вернее, благодаря этому), на улицах полно нищих, жилища не сооружаются, экономика в «состоянии летаргии». После окончания войны в Южном Вьетнаме не построено ни одного промышленного предприятия. «Население Юга», — пишет Хотэм, — которое достаточно хорошо знает, что в их стране были израсходованы большие суммы, так же хорошо знает, что почти ничего из этих средств не было израсходовано на его нужды».

Куда же в таком случае девались деньги? Шестидесять четыре процента долларовых вспомоществований пошло на содержание южновьетнамской армии, насчитывающей 150 тысяч человек. Сolidные суммы прилипают к рукам «тиких американцев» — советников, с шиком обобщившихся в Сайгоне. Американские резиденты образуют класс «сверхбогатей», — свидетельствует Хотэм.

Южновьетнамского президента Нго Динь Дьема население открыто называет «американским человеком». Хотэм перечисляет прелести его режима. Свободы печати нет. Конституция — мертвая буква. Полиция, вскоррмпленная на американских хлебах, бросает за решетку без суда и следствия всех, заподозренных в причастности к коммунизму. Таковы в иной мистецкий набрывается тысяча лет назад...

За что же народу любить американского человека и его олухов? Совершенно не за что. Хотэм тоже так считает. Южновьетнамцы, пишет он, «не имеют никаких оснований любить Запад. У них нет никаких оснований ненавидеть коммунистов. Коммунисты под руководством Хо Ши Мина боролись за свою национальную независимость и завоевали ее в боях против кадровой французской армии, поддерживаемой Соединенными Штатами в то время, когда Нго Динь Дьем жил в семинарии в Нью Джерси (США)».

Что же удивительного в том, что «автомат» не работает?

ОБОРВАННАЯ НИТЬ

Когда в пятницу, 3 января, французский писатель Макс-Поль Фуше выступил в телевизионной программе «Нить жизни», ему позвонили по телефону. Группа рабочих, собравшихся около телевизора в кафе, благодарила его за интересную проведенную беседу. Но напрасно в очередную пятницу французские телевизоры ждали, когда на экранах появится знакомое лицо Макса-Поля Фуше. Передача не состоялась. Что же произошло?

Макс-Поль Фуше в течение ряда лет выступал по телевидению в еженедельной серии передач «Нить жизни». В своем последнем выступлении, поправившемся парижским рабочим, он, в частности, сказал следующее:

«Нам столько летали! Парикмахеры, газетчики, радио так часто обманывали нас народ!.. В 1914 году мобилизация, уверили нас, не была еще войной, в такой же мере, как «умиротворение» Алжира не является его сегодня. В 1939 году мы должны были победить, потому что мы были сильнее. В 1940-м перемирие было заключено с честью и достоинством. Наш старый отважный народ превратился на одного обмана в другой... На пороге 1958 года наше телевидение показало нам веселый спектакль — праздничные ужины в парижских кабаках. Оно не могло поступить иначе. Оно не могло показать ни бездомных, спящих около голубиных гнезд, чтобы не замерзнуть, ни двадцатилетних юношей, держащих курок на заводе, в туннеле, всматривающихся в темноту над аджирской пустыней».

Выступление Макса-Поля Фуше 3 января всполошило французское министерство информации, и оно потребовало, чтобы текст каждой передачи подвергался предварительному рассмотрению. Писатель ответил на это отказом. В беседе с корреспондентом газеты «Либерасьон» он заявил: «...Продолжать в таких условиях означало бы обманывать. Так как мне разрешили бы выступать лишь на самые безобидные темы, я кончил бы тем, что говорил лишь то, что «они» хотят».

Комментарии изложенные выше факты, газета «Либерасьон» пишет: «...Разумеется, авторы полностью обманывались с имеющимися в данный момент властями; но на этом их свобода заканчивается».

ЖОНГЛЕРЫ НОЖАМИ

Рост детской преступности в США является предметом озабоченности американских родителей. В США немало комитетов, подкомитетов и комиссий. А толку...

Совсем недавно возник один из них. Первая комиссия поставила конкретную задачу — подготовить проект закона о запрете продажи «Свитч наиф», нового ножа, который не имеет названия «Свитч наиф». Из-за простоты пользования — достаточно легким — ножом и ножом откручивается — он приобрел особую популярность среди молодежи и, конечно, среди юных правонарушителей.

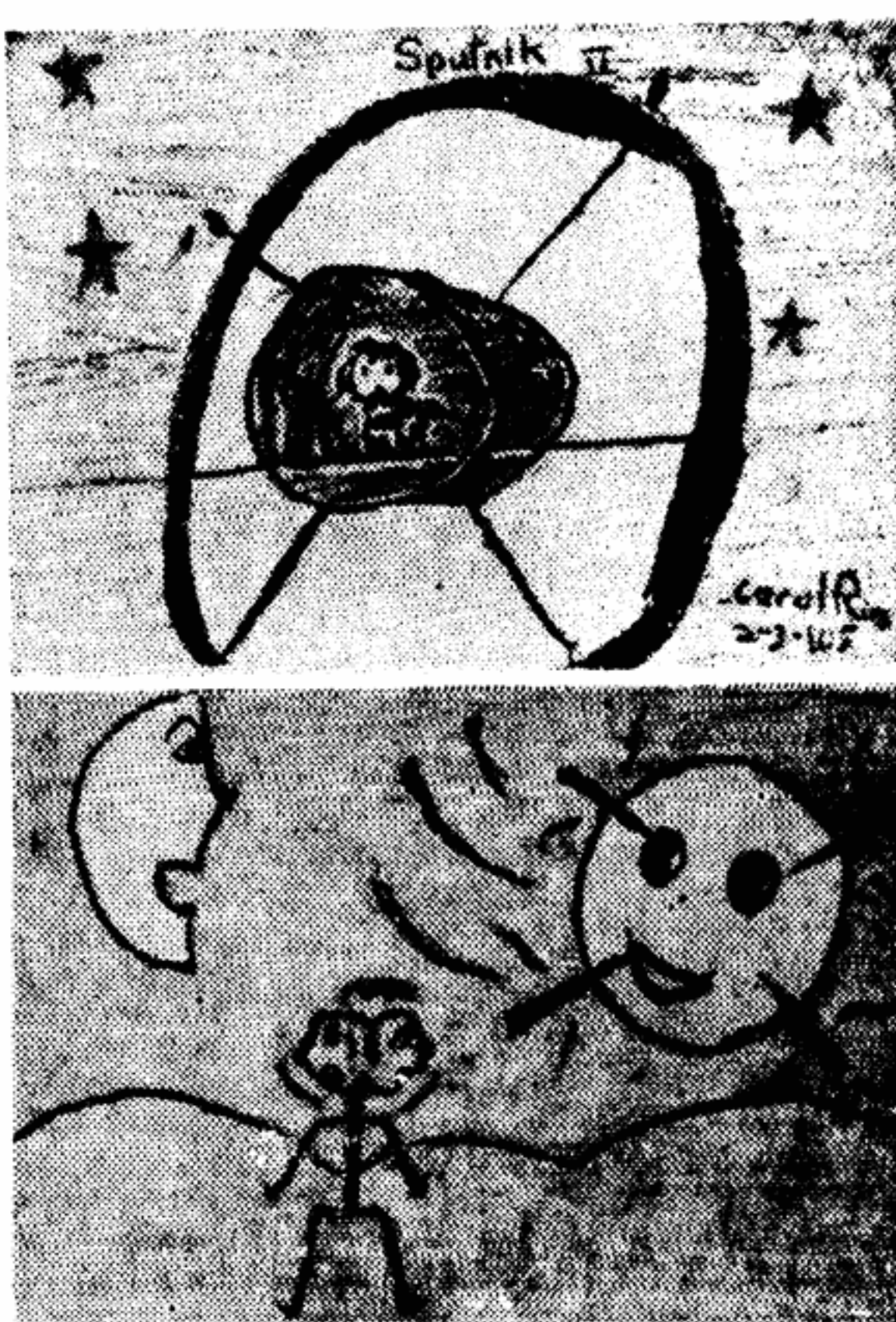
Закон 1954 года стеснял малолетних преступников, так и взрослых фабрикантов, поставщиков этого вида холодного оружия. И они сумели обойти закон. И они сумели обойти закон. И они сумели обойти закон.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ЮГОСЛАВСКИЙ САТИРИК

Имя замечательного югославского драматурга и юмориста Бранислава Нушича широко известно в нашей стране. На сценах десятков театров идут его лучшие комедии, все больше его произведений переводится и издается на русском языке.

Творчество Нушича многогранно: он писал повести и рассказы, стихотворения, водевили, исторические мемуары, этнографические исследования и фелетоны. Им написано несколько десятков пьес, многие из них прочно вошли в репертуар югославских театров, с успехом ставились на сценах Франции, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Румынии и других стран.

В 1983 году двадцатидвухлетним юным Нушича написала первую комедию «Народный депутат». Эта сатирическая комедия положила начало творчеству Нушича-драматурга. От пьесы к пьесе рос его талант, усиливалась политическая заостренность его произведений. Пьесы Нушича «Д-р», «Госпожа министерства», «Обыкновенный человек» и «Поклонык» с неизменным успехом идут в советских театрах, говорят о высоком мастерстве драматурга. Нушича был близки традиции Гооголя, одно из своих произведений он назвал «Гоголиада».

ДЕТИ О СПУТНИКАХ

ЗАПУСК советских искусственных спутников Земли, вызвавший восхищение во всем мире, дал, естественно, богатейшую пищу и для детской фантазии. В одном из последних номеров американского журнала «Нью-Йорк таймс» издается очерк двух странских рисунком учеником Нью-Йоркской школы, посвященный советским спутникам.

Мы публикуем два рисунка, взятые из этого журнала. На верхнем — спутник № 2; он нарисован школьником Каролом, семилетним мальчиком. Нижний рисунок принадлежит девочке по имени Юдифь, 13 лет; она изобразила человека, у которого голова имеет форму: сплюснутый много лун появилось на небе...

ПЕРЕБОРЩИЛ

СРАВНИТЕЛЬНО недавно в ФРГ произошел судебный процесс бывшего гитлеровского генерал-фельдмаршала Фердинанда Шернера. «Страшнейшим делом отступничества» прозвали Шернера немецкие солдаты за его зверские расправы над своими же войсками, отступавшими под всеокрушающим натиском Советской Армии.

Газета «Немецкая Демократия» сообщила некоторые интересные подробности процесса. Суд приговорил Шернера к четырем с половиной годам тюрьмы. Этот факт может показаться на первый взгляд протирочным утверждением, что военные преступники в Западной Германии чувствуют себя как у Христа за пазухой. Но это не так. Суд приговорил его к необычайно мягкому по сравнению с составом преступления наказанию — даже прокурор требовал для Шернера восемь лет тюрьмы.

На суде фашистский бандит позволил себе наглые выпады против СССР. «Я сегодня», — заявил Шернер, — тот же, кем был в 1945 году на фронте, когда пытался остановить русских, — ожесточенный враг большевизма».

Процесс был комедией, попыткой правящих кругов Бонна пустить пыль в глаза общественности, вымученной все новыми и новыми примерами реставрации фашизма. Это убедительно показал в своем выступлении один из защитников Шернера.

«Здесь», — заявил защитник в заключительном слове, — выступал в качестве свидетеля Кессельринг (речь идет о бывшем гитлеровском генерал-фельдмаршале). Он хотел обелить подсудимого. Не я, а суд пригласил его. Я спрашиваю выходящий суд: почему вы хотите осудить Шернера, когда Кессельринг ходит на свободу? Я создаю упрямую платформу и хочу обелить подсудимых, и места около него пусты. Однако здесь давали показания свидетели, которые виновны в преступлении не меньше, чем Шернер. Они на свободе, часть из них занимает видные посты в нашей Федеративной республике, и часто они выступают снова в роли представителей правосудия. Вот почему я плакал. Мне было стыдно за свое отечество...»

Желая выгородить фашистского убийцу, его защитник переборщил. Он невольно сказал правду, публично обвинив правителей Бонна в покровительстве военным преступникам, в политическом жульничестве, в намерении демонстративно осудить одного, чтобы остальным было выгодно.

Д. САМОЛВИН

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

От имени родных и близких Ильи Исааковича Преяса, старшего научного сотрудника Института марксизма-ленинизма, просим передать глубокую благодарность всем лицам и учреждениям, выразившим нам соболезнование по поводу постигшей нас тяжелой утраты.

Е. ИЛЬИНА-ПРЕЯС, С. МАРШАК

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИН, В. ДРУЗИН (зам. главного редактора), П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБИЧКОВ, В. СОЛОУХИН, В. ФРОЛОВ.

Ирландии не надо военных баз

КТО-ТО написал недавно в одной из английских газет, стараясь оклеветать работу Британского Совета Мира, что его символ — голубь оказался сильной птицей с блестящими, длинными и острыми коготками; коготями, способными наносить удары и рвать на куски.

Что ж, это верно, и голубь мира должен быть сильной птицей, рвать и наваливать силы изо дня в день; верно и то, что у него должны быть блестящие и острые когти, чтобы оказывать отпор агрессору, жаждущему крови; крепкие мышцы, — ведь надо отбросить руки атакующих, которые хотели бы обломать крылья голубя.

Голубь мира — не пацифист. Он летает, выполняя священную миссию, — убеждает людей жить в мире и работать вместе, делая знаниями во имя великого и общего блага всего человечества. Голубь простирает крылья, он защищает, но никогда не нападает. Он страстно жаждет поделиться всем, что у него есть, со своими братьями-птицами: он готов ворковать в унисон с криком американского орла или свистом ирландского дрозда. Дом голубя везде: голуби летают большими стадами с одного конца земного шара на другой — бесстрашно, давая вали от своей матери-голуби, где просторное гнездо свито в Москве! и на блестящих крыльях которого светится слово СССР.

Ирландия оказалась не слишком далекой страной для голубя — он прилетел сюда. Сначала высоко в небе подыскался шестер крыльев, затем голубь спустился и стал ворковать ирландцам о мире. Некоторые пытались было прогнать птицу, — говорили они, — и мы не должны позволить ей свить гнездо у нас! Но, хотя его гнездо и места на месте, голубь никогда не покидал ирландского неба. Он парил в нем, снова садился и призывал ирландцев присоединиться к другим народам в борьбе против всего, что угрожает делу мира.

Многие ирландцы сразу прислушались к голосу голубя; прислушались и ответили на его призыв. Сейчас голубь мира живет спокойно и счастливо в Ирландии. Все рады ему, кроме немногих экстремистско-капоцких, которые так безумно ненавидят все, что они считают «коммунистическим», что удивительно, как еще они не прогнали из нашей страны голубя за ее красивую грудку.

Ирландия извела свою долю горя, познала разрушения во время войны, принесенной ей извне и силами внутри страны во время англо-ирландской, а затем во время гражданской войны, в которой погибли многие из ее самых талантливых и способных сынов. Она испила горькую чашу и отвела горького хлеба войны. Настоящее и будущее Ирландии полно неразрешенных проблем и вопросов. Но, как бы многогранны и сложны они ни были, в Ирландии знают, что нельзя ответить на них и разрешить их, не связывая свое будущее с миром в Ирландии и во всем мире.

Хотя Ирландия официально была нейтральной во время войны против фашистской Германии, она жестоко страдала физически и духовно на протяжении всего этого времени. Десятки тысяч ее сыновей погибли, борясь в армиях других стран. Ирландские солдаты сражались на всех европейских фронтах, ирландские летчики летали в небе над разными странами, ирландские матросы военных и торговых судов затонули на многих кораблях.

Во время войны Ирландская республика, чье население не превышает трех миллионов, получила столько же крестов королевы Виктории — высшую британскую военную награду, как и Канада, население которой гораздо больше. Фашистская армия ощутила удары ирландцев во многих тяжелых боях на море, на суше и высоко в небе. Но с Ирландии хватил войны. Она сложила свои военные знамена и спрячала их, ибо она заинтересована не теперь только в тех знаменах, которые развеваются над мирными полями. Ирландия ничего не выпрашивает, но многое потеряет в случае войны в пределах своих границ либо в любой части света.

Ирландия понимает, что война, где бы она ни происходила, — угроза для нее, и поэтому она стоит за мир. Только небольшая горстка и три или четыре ее политических деятеля высказываются за вступление в НАТО. Но подавляющее большинство народа и политический деятель Ирландии не хотят иметь ничего общего с этой организацией. Они твердо и непоколебимо возражают против любой попытки создать на ее зеленых полях иностранные военные базы для возможного нападения на другие страны.

В дни войны против фашистской Германии Ирландия видела, что происходило, когда бомбы падали на Белфаст в Северной Ирландии; разрушенные дома, пылающие улицы ставили под угрозу существование всего города. Огромное число убитых и искалеченных мужчин, женщин и детей... Все, что мог, стал спасать город от пожара, даже пожарные команды, находившиеся на расстоянии сотен миль от Белфаста, кинулись туда...

Ирландия не хочет этого больше. Покорнейше благодарим Ирландия связана давними и тесными узами с Соединенными Штатами (25 миллионов людей ирландского происхождения живут в США). Но в вопросе о создании иностранных военных баз на своей территории она скорее на стороне Индии, чем на стороне Соединенных Штатов, честно говоря, потому, что она не потерпела чувства самохранения. Ирландия показала в Организации Объединенных Наций, что она умеет самостоятельно мыслить. Ирландский министр иностранных дел предложил план вывода войск обеих сторон с тем, чтобы создать нейтральную зону между НАТО и Советской Армией. Уступите немного для начала, а остальное приложится, и в конечном итоге мир воцарится в наших домах.

И что еще важнее — ирландцы начинают все с большим интересом и с меньшей настроенностью, чем прежде, относиться к СССР, хотя католическая церковь продолжает служить немалой помехой. Но мы готовы воспользоваться первой же благоприятной возможностью для установления контакта, когда возникает необходимость. Так, например, когда Англия не смогла дать Ирландии уголь (наша страна имеет всего одну или две небольшие угольные шахты) и ей пришлось срочно начать разработку торфа, мы обратились за помощью и советом к русским специалистам. Они приехали и великодушно помогли нам. Теперь наша торфяная промышленность обеспечивает достаточное количество

времяшится в голову человеку, когда он целый день со своими мыслями. Нет, с двадцать восьмью километрами еще ни один не вернулся.

И Сулия опустил глаза, будто он в чем-то провинился. Знойную тишину спугнул голос Демина:

— Его и родная жена перестала ждать, а ты все дожидаясь.

Михайлов резко повернул к нему голову, он уже не мог остановить только слушателя. Но Сулия его опередил:

— За что ты на нее так злешься, Стефан? — сурово спросил он у Демина.

Если Демин смутился и кожа у него на скулах слегка пожелтела, то совсем ненадолго, всего лишь на секунду. Тут же он и оправился.

— Я к тому, что если и живой, то, может, самое лучшее для него — не возвращаться. Сулия быстро спросил:

— Почему?

Суровое поле

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

крутолопный, как месяц, а глаза голубые-голубые. Таких, знаете, добрых, хороших... Да, если партию останавливали у этого проклятого километра, то это уже конец. Конечно, рано или поздно, каждому на этом двадцать восьмом километре назначен был поворот, но все же каждый и надеялся, что как-нибудь дотянет до конца войны. Я же, например, дотянул, а он...

Рыком Сулия взял свою кружку и опрокинул остаток вина себе в рот. Михайлов оглянулся, ему показалось, что за спиной у него хрустнула ветка. Рассеянно заглянул за угол сторожки и невольно вздрогнул.

За сторожкой стояла Любова Демина, плотно прижавшись спиной к стене, и тоже слушала Сулию с расширившимися, горящими на смертельно бледном лице, глазами. Через одну руку у нее была перекинута небольшая круглая куринка, в которой она принесла мужу в сад жарца, а другую руку она плотно прижала к кофточке на груди, будто боялась, что у нее может выскочить сердце.

Михайлов уже хотел сказать Демину, что пришла его жена, но Любова прижала палец к губам, призывая его к молчанию. И взгляд ее глаз был так умоляющий, что он, внутренне недоумевая, не решился отказать ей в этой немой просьбе. Вероятно, была у нее какая-то основания не открывать сейчас своего присутствия мужу. И все оставшее время, пока заканчивал свой рассказ Сулия, некоторое чувство раздвоенности испытывал Михайлов, один зная о том, что есть здесь и еще слушатель, в то время как об этом Пират, но он спокойно лежал на своем месте, положив умную морду на вытянутые широкие лапы и лишь изредка, поглядывая за угол сторожки, постукивая хвостом по земле.

— Под вечер гнали нас, две партии, одна за другой с лесозащитки в лагерь, — не выпуская порожнюю кружку из руки и невидяще глядя прямо перед собой, продолжал Сулия. — Андрей шел в первой колонне, а я во второй. Туман, идом, как слепые. Там эта пакость в горах как-

дней. Слышим, впереди нас какая-то задержка, затор, и нас по шоссе по одной стороне гонят. Оказываются, передняя колонна остановилась. Я глянул сбоку от шоссе и вижу на белом столбе большая черная цифра: «28». Прогоняют нас мимо товарищей, а ротенфорер Карл стоит с собакой и приказывает им разуться. «Там, кричит, и разутых принимаю!» Тут нас прикладами погнало бегом по дороге...

Кончил рассказывать Сулия, и последний венчик был готов. Вся земля вокруг светилась серебряными лепестками.

Михайлов поднялся, чтобы уйти, но Сулия движением руки остановил его.

— Но, между прочим, все мне как-то не верится, что они его могли убить. И знаю, что с двадцать восьмью километрами живым никто не возвращался, но как-то не подходит к нему это слово: «мертвый». Может быть, потому, что свои глазами так я и не видел, как они его расстреляли. Какой-то он не такой, чтобы его могла смерть достать, сколько раз он уже от нее уходил, неужто на этот раз промахнулся?

Сулия оставил эти его слова без внимания.

— Слух потом был, что четверо на той колонне рисковали все же в тот вечер бежать, — все равно пропадали. Бросились на две стороны от шоссе, трех тут же и расстреляли, а четвертому будто удалось до финиша достигнуть. Это такие злышники на берегу моря. Теперь никто сижу у себя в сторожке и мечтаю, что этот четвертый, который усаживался бежать, и есть Андрей. Кому же еще другому было бежать? Ночь была темная, если он успел до финиша достигнуть, там рыбацкие лодки стоят, очень просто отплыть одну и переплыть через пролив в Данию. Дома он, бывало, в самую страшную бурю баркас на тот берег переносил, особенно когда Дарья рубила там с бригадой чанка. А днем иногда иду по саду и задумается: сейчас за спиной услышу голос: «мосе Поль».

Оглянувшись, а он стоит, одежда на нем нерушася, на голове шляпа, а в руке чемоданчик. Но глаза и вся хватка его, Андрей... Чего только не

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, редакционная коллегия — К 4-08-69, писем — К 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутиатор — К 5-00-00.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.